

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

12 января 1989 года

ГОСТЬ «МОСКОВСКОЙ ПРАВДЫ»

Певвица и королева

Все-таки самый гениальный драматург — это жизнь. Она постоянно ставляет такие сюжеты... Тридцать лет назад, когда только приехала в Москву, двоюродная сестра привела меня в большую квартиру на улице Горького к своей подруге Вере. Хозяином квартиры оказался умный, интеллигентный, скромно-застенчивый скульптор Дмитрий Филиппович Цаплин. Еще несколько раз заходила сюда. Были разговоры с Верой, ее друзьями, с Дмитрием Филипповичем. Но никто не говорил о матери Веры. Потом жизнь развела нас. А некоторое время назад утром позвонила двоюродная сестра:

— Ты видела вчера во «Взгляде» Татьяну Ивановну?

— Какую Татьяну Ивановну?

— Лещенко-Сухомлину. Она пела, играла на гитаре, рассказывала, как переводила Сименону...

— Да, видела. Это чудо какое-то!

— Так это же мать Веры! Помнишь Веру Цаплину?

— Но в квартире на Горького я никогда не видела Татьяну Ивановну...

— Хочешь увидеть сейчас?

...Небольшая однокомнатная квартирка на улице Вальтера Ульбрихта, в которой нет даже телевизора и холодильника. Но зато повсюду в обычных стеклянных банках живые гвоздики, астры, розы. Висят прекрасные картины, много фотографий людей, о которых мы только читали, слышали. А для Татьяны Ивановны они друзья, близкие люди. И, конечно, гитары.

За маленьким столиком мы пьем чай. И чай в этой квартире необыкновенный, и торт особенный. И все потому, что рядом — вот она, совсем-совсем близко, не женщина, а просто легенда — Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина. Вся жизнь она нислила себя бродячей певичей. А сейчас, когда ей 83 года, приглашена на роль королевы в фильме. Татьяна Ивановна говорит об этом, смотрит смеющимися глазами: мол, каково? Королеву играю! После нашей первой встречи она уехала в Киев на съемки. Приехав, позвонила по телефону:

— Режиссер сказал, что у меня очень хорошо получается.

— Я и не сомневалась.

— Правда? А я трусила: все же никогда не снималась в кино. Всегда была бродячей певичей.

Говорят: от всей жизни остаются одни воспоминания, и хорошо, когда есть что вспомнить. 83 года, согласитесь, возраст. И Татьяне Ивановне очень даже есть что вспомнить. Она написала для «Советского писателя» воспоминания «Моя жизнь». Подборку ее стихов взяли в сборник «День поэзии». Но Лещенко-Сухомлина не живет воспоминаниями. У Вертинского в одной из песен есть слова: «Надо жить. Не надо вспоминать». Татьяна Ивановна в молодости пела песни Вертинского. Она живет. Она вспоминает.

— Я родилась вместе со своим братом Юрием в Чернигове. Очень давно (Татьяна Ивановна даже как-то рукой взмахнула, подчеркнула: ужасно давно). Как мы переехали в Петербург — не помню, мне было три месяца. А из Петербурга в Одессу. Мой отец — ученый-агроном, профессор, ученик Тимирязева, получил дворянство лишь после окончания академии. Мама — потомственная дворянка, великолепная пианистка, училась у Игумнова. Дядя — вице-президент Академии наук академик Стеклов, теперь даже есть институт его имени.

В 1923 году я решила ехать в Москву. Одна. Хотелось самостоятельности, хотелось петь, играть на гитаре. Москва оглушила. В доме дяди, консула СССР в США Александра Языкова, который только вернулся из Штатов, познакомилась с Бенжеменом Пепером. Моя семья и семья Бена, узнав о нашем романе, были в ужасе. 26-летний американский еврей, богач, окончивший университет в США и университет в Англии, и восемнадцатилетняя, по сути, нищая, русская. Но наша любовь, обаяние Бена оказались сильнее всего.

Влюбленные молодожены пересекли океан. Шесть лет жизни в Нью-Йорке. Там Татьяна Ива-

новна окончила школу журналистики при Колумбийском университете. Но работала не по специальности — устроилась в знаменитом Нью Плэйрайте Театри.

— В какой роли? Актрисы, конечно. Я же всю жизнь пела. Театр был удивительный. В нем ставились революционные пьесы, а субсидировал постановки известный миллионер. Но я очень тосковала в Штатах. Шесть лет жила там и трижды за это время приезжала в Россию. Потом вернулась совсем. С Беном мы расстались. Но навсегда остались друзьями. Я в жизни любила, и меня любили. У меня было три мужа, все изумительные люди. Просто так складывалась жизнь. В Париже я познакомилась с Цаплиным и стала его женой. Он был тогда очень знаменит. Во Францию приехал в командировку от Совнаркома — Луначарский послал Дмитрия Филипповича на стажировку. В Париже и родилась наша Вера.

В 1935 году Татьяна Ивановна с мужем и дочерью вернулась в Советский Союз. А еще через пять лет она вышла на профессиональную сцену. Произошло это в Ленинграде в театре миниатюр. Потом война, эвакуация в Барнаул. Татьяна Ивановна выступает в госпиталях. Играет на гитаре, поет старинные романсы, песни советских композиторов. А когда в 1943 году вернулась в Москву, оказалось, что квартира на улице Горького занята, жить негде. Освободили квартиру только в 1944 году, а в 1947-м...

Откровенно говоря, не могу понять, почему это произошло в сорок седьмом, а не в тридцать седьмом? Ведь у Татьяны Ивановны были все «данные» для ареста: брак с американцем, жизнь в США, Испании, Франции, Англии, знание нескольких иностранных языков, дворянство родителей, арестованный дядя Языков — весь набор! Для 58-й статьи более чем достаточно. Однако «пришли» за Татьяной Ивановной лишь 30 сентября 1947-го.

— Я вернулась из гостей. Ночью за мной пришли. Год в тюрьмах — сперва на Лубянке, потом Лефортово. Боксы, допросы с пристрастием...

У Татьяны Ивановны есть любимое слово: «удивительно». Она рассказывает о чем-нибудь и говорит: удивительный человек. Рассказывает о чем-нибудь и говорит: удивительный концерт (книга, музыка). Лишь об одном человеке, следователе Полянском, говорит иначе: «Злая личность».

В начале октября 1948-го Татьяна Ивановне прочитали приговор и спросили: «Вы все поняли?».

— А я ничего не поняла. Я попросила прочитать еще раз. Следовательно стал на меня кричать. Это было ужасно. Восемь лет лагерей по статье 58-10. По делу я шла одна. Мне предлагали несколько раз свободу, если назову врагов Советской власти. Но что я могла сказать? Сказала, что знаю очень многих людей, но не знаю, чтобы кто-нибудь из них был врагом. Меня обвиняли в антисоветской агитации. В протоколе была записана одна моя фраза: «Сталин не заботится о простых людях». Я действительно так думала, так и сказала в присутствии двух дам. Одна из них донесла. В лагерях я провела не восемь лет, а чуть меньше: в 1952 году ввели зачеты — если выполнять самую трудную, самую неприглядную работу. И я за нее взялась.

— А что больше всего запомнилось из лагерной жизни?

— Второй вечер. Огромный

барак, где более трехсот уголовников, — барак для политических был переполнен, и меня поместили сюда. Ко мне подошла старшая «блатная» и спросила: «Ты что делаешь?». Ответила: «Пою». Она приказала: «Пой». Ответила: «Так не буду. Мне нужна чистота и тишина». И представьте, мне создали эти условия. И я стала петь «Сердце матери» Беранже, музыку сама сочиняла по ходу песни. Спела как молитву, считая, что песня сбережет всех от всякого зла: «Есть сердце матери родной. Оно согреет и осветит, как солнце ласковой весной». Потом пела другие песни. Долго пела. Барак молчал. А когда перестала петь, старшая объявила: «Татьяна Ивановна «в законе»».

Изнурительный лагерный труд сочетался с актерской работой в Воркутинском театре, постановкой самодеятельных спектаклей. За колючей проволокой ставит Татьяна Ивановна оперетту «Вольный ветер» и играет в ней Маркизу.

— Хорошенький парадокс, да? В 1953 году как полного инвалида меня отправили в инвалидный лагерь в Астрахань. А 2 апреля 1954 года освободили. Но в Москву не пустили. Поехала к маме в Орджоникидзе, стала работать в библиотеке. И там перевела с английского «Женщину в белом». Теперь роман в моем переводе выдержал уже семь изданий...

Лишь летом 1956 года Татьяну Ивановну реабилитировали, и она вернулась наконец в Москву.

Мне довелось знать многих людей, прошедших сталинские лагеря. Не раз поражаало и поражает: как можно, пройдя через весь этот ад, остаться личностью, не потерять себя, не уйти от мира в свои беды. Вот я сижу в этой крохотной квартирке на улице Вальтера Ульбрихта, слушаю Татьяну Ивановну, которая не только поет, перебирая струны гитары, тут же на ходу сочиняя мелодию, но еще и читает свои стихи, многие из которых написаны там, в лагерях. А потом вся светится, когда рассказывает, как в Большом зале консерватории на 50-летию Д. Шостаковича познакомилась с аккредитованным при Министерстве иностранных дел корреспондентом французской газеты «Либерасьон» Василием Васильевичем Сухомлиным.

В 1960 году Татьяна Ивановна перевела роман Ж. Сименона «Президент» — так Россия познакомилась с Сименоном. А потом в 1978 году с ним лично познакомилась Татьяна Ивановна. И стали они добрыми друзьями. И о нем Татьяна Ивановна говорит: «Жорж — удивительный человек. Удивительный».

Эльза Триоле, Луи Арагон, Софья Прегель, Лиля Брик... Сколько же Татьяна Ивановна может рассказать о дружбе с ними! Да разве только с ними! Щедрая, умница, радостно принимающая жизнь, счастливая тем, что дожила до нашего «времени справедливости, гласности, правды. Мы же все так устали от лжи!». (Это я сейчас Татьяну Ивановну цитировала) — она притягивает к себе людей самых разных: знаменитого Сименона и простенькую молодую женщину из Вильнюса, с которой я встретилась в квартире Татьяны Ивановны. Люди приходят сюда согреться. Татьяну Ивановну не надо уговаривать петь, читать стихи. Она это делает с удовольствием, для нее это естественное состояние жизни, души. Для нее это также естественно, как подарить одну из лучших своих гитар — знаменитую гитару работы Батова — Эрмитажу, а не менее знаменитую гитару работы Краснощекова — музею-лицею Пушкина. А на Новый год Татьяна Ивановна подарила немало прекрасных минут коллективу нашей редакции, приняв участие в праздничном вечере. Спасибо ей за это.

Дарить, отдавать — это у нее в крови. От этого она чувствует себя счастливой. Живо, которая всю жизнь считала себя бродячей певичей, но всегда была и осталась королевой...

И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ.

Фото С. КУЗЬМИНА.